

ЭКОНОМИКА

Михаил Хазин

Кризисные волны

стр 3

МНЕНИЕ

Александр Шумский

Самоприговор сотрудников НТВ

стр 6

Точка ру

№9
(45)
2010

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

реанимация истории

Алексей Исаев

Неизвестный 1941-й

Печальная дата 22 июня напоминает о том, сколько вопросов до сих пор рождает история начала Великой Отечественной войны. Почему Кремль игнорировал сообщения разведчиков о подготовке Гитлером нападения на СССР? Как помог советским военачальникам опыт Гражданской войны? Чем в действитель-

ности была советская кавалерия в 1940-е годы? Как оценивали сами немцы сопротивление советских войск в июне 1941-го? Глубокая апатия и бездействие Сталина в первую неделю войны – миф или реальность?

Свой взгляд на эти и другие важные вопросы нашей истории представил автор

книг на военно-историческую тематику (в том числе «Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг», «Антисуворов. Десять мифов Второй мировой»), соавтор сценариев документальных фильмов о Великой Отечественной войне, сотрудник Института военной истории Министерства обороны РФ Алексей Исаев.

стр 2

общество

Гражданственность как антитеза гражданскому обществу

В противовес западному гражданскому обществу применительно к России следует говорить о гражданственности. Несмотря на определенную схожесть терминов, основные принципы гражданственности скорее противоположны идее гражданского общества.

Если гражданское общество мы понимаем как формы и способы конкуренции частных интересов в сфере политической, то гражданственность – это более сложное понятие, еще требующее своей экспликации.

стр 4

словарь символов

Надежда Никитская

Тоталитаризм

Термин «тоталитаризм» настолько прочно вошел в обиход наших политологов и мыслителей, что споры о различных государствах сводятся лишь к выяснению того, до какой степени данная страна «тоталитарна». Однако вопрос о том, насколько «тоталитарно» нам был навязан этот термин, обсуждается значительно реже.

стр 5

Символ тоталитаризма в эстонском «Музее оккупации»

три революции

Дмитрий Лысков

Ересь революции – современный взгляд

Становлению Российской социал-демократической рабочей партии способствовали три идеологических конфликта – с народниками, «легальными марксистами» и «экономистами».

Народническое направление российской революционной мысли делало ставку на крестьян-

ство. В аграрных бунтах оно видело зародыш движения масс, способный разрушить доживающий последние дни специфический российский пост-феодализм и недокапитализм. Однако, даже впитав марксистские воззрения, будущие эсеры исходили из возможности перепрыгнуть

буржуазный этап развития страны. В крестьянской общине они видели прообраз коммуны будущего, полагая, что с опорой на нее реально сразу осуществить переход к социализму, или «крестьянскому коммунизму», как называли его позже.

стр 7

Алексей Исаев

Неизвестный 1941-й

- Алексей Валерьевич, давно принято считать, что советские разведчики задолго до начала войны представили Сталину подробные и обоснованные доказательства подготовки Германии к нападению на СССР. По мнению некоторых публицистов, Москве уже в декабре 1940 года стало известно о «Плане «Барбаросса». Насколько это соответствует действительности?

- Это ни в коей мере не соответствует действительности. Информация от разведчиков поступала размытая и неопределенная, в частности, возможные сроки германского нападения варьировались в широких пределах, и реальная дата – 22 июня – была названа тогда, когда времени на адекватную реакцию уже не было. В какой-то мере это объяснялось тем, что сами немцы приняли строгие меры по обеспечению скрытности подготовки к реализации плана «Барбаросса». До определенного момента сосредоточение немецких войск могло быть интерпретировано как «выстраивание оборонительного пехотного заслона на востоке перед высадкой в Англии». Только в последнем, пятом эшелоне переброски войск на границу с СССР были выдвинуты танковые дивизии.

Вместе с тем следует отметить, что серьезным недостатком в работе советской разведки была слабая аналитическая работа. Полученные данные транслировались «наверх» в сыром виде, без анализа. Действительно серьезные аналитические записки, в частности записка военного атташе в Берлине В. И. Тушикова, просто терялись в общей массе информации. При этом и Тушиков в апреле 1941 г. не назвал точной даты вторжения, написал: «Сроки начала столкновения, возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года».

Ни о каких выкраденных из сейфов планов «Барбаросса» на этом фоне не могло быть и речи.

- Первые месяцы Великой Отечественной войны часто ассоциируют с «павальным бегством советских войск». Считается, что советские части не могли всерьез повлиять на продвижение сил Вермахта. Насколько можно понять, в недавно увидевшей свет Вашей книге «Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг» Вы оспариваете этот стереотип?

- Действительно, в массовом сознании существует миф о многочисленной и хорошо вооруженной Красной Армии, которая буквально рассыпалась под ударами немногочисленных немецких танковых соединений. Но если мы обратимся к немецким документам, которые писались в реальном июне 1941 г. (а не к мемуарам, написанным спустя десятилетия после проигранной войны), то мы увидим такие слова, как «упорное сопротивление», «большие потери противника убитыми», «мало пленных».

Вторгшиеся на территорию СССР три группы армий Вермахта имели на направлениях главных ударов значительный перевес над противостоящими им соединениями приграничных особых округов. На 22 июня 1941 г. в бой могли вступить примерно 40 советских соединений, а атаковали их более 100 немецких дивизий, танковых и пехотных. Результаты такого столкновения нетрудно себе представить.

При написании книги «Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг» мне пришлось много обращаться к немецким источникам – как документам, так и исследованиям. Хотя бы просто ввиду того, что документов частей и соединений Западного фронта по июню 1941 г. сохранилось немного. Даже меня, человека, который не первый год исследует события 1941 г., поразили многочисленные эпизоды энергичного и продуманного сопротивления окруженных под Белостоком советских войск.

- Многие публицисты говорят о «переоценке роли кавалерии» советским военным командованием и даже организованном им «конных атаках с шапками против танков». Насколько это соответствует действительности? Как можно оценить роль кавалерии в этой войне?

- Кавалерия 1941 г. была скорее ездящей на лошадях пехотой, нежели классическими конниками с холодным оружием. Это была своего рода «мотопехота для труднодоступной местности». Езда на лошади требовала хорошей физической подготовки, и поэтому кавалерийские соединения отличались хорошей выучкой и высоким боевым духом. Именно поэтому кавалеристы одними из первых пополняли ряды советской гвардии. К 1945 г. все семь имевшихся в Красной Армии кавалерийских корпусов имели гвардейское звание.

Атаки в конном строю были скорее редким исключением, чем правилом. Они применялись при ударах по деморализованному и отступающему в беспорядке противнику. В частности, один такой документально подтвержденный случай относится к операции «Уран» под Сталинградом в ноябре 1942 г. Тогда конники из 8-го кавкорпуса рубили в конном строю бегущих румынских пехотинцев.

- Желая подчеркнуть некомпетентность советских военачальников в начале Великой Отечественной войны, исследователи часто пишут о том, что те переносили тактику Гражданской войны на конфликт с гитлеровской Германией. Вы в своих работах наоборот подчеркиваете, что опыт

Гражданской войны оказался востребован в ходе Великой Отечественной. Почему Вы так считаете?

- Когда говорят о переносе опыта Гражданской войны в СССР на Великую Отечественную, часто забывают о том, что он был очень разноплановым. Известные нам по фильмам и популярным книгам конные лавы, бронепоезда и тачанки были лишь одной из страниц той войны. Куда менее известным, но вместе с тем более востребованным был опыт спешного строительства армии. Когда в считанные недели, в лучшем случае – месяцы, формировались и вооружались новые части и соединения. Опыт этого строительства на новом витке развития был востребован в 1941 г. Именно вновь сформированные дивизии и бригады спасли СССР от разгрома. Именно они оказывались на пути немецких танков к Москве и Ленинграду.

- В большинстве современных художественных фильмов о войне политработник предстает карикатурным персонажем, трусливым человеком и абсолютным лишним лицом на линии фронта. Насколько такой образ близок к действительности?

- Разумеется, как в среде комиссаров, так и в среде командиров частей, соединений и объединений Красной Армии можно было встретить разных людей. Карикатурных персонажей среди них тоже можно было найти. Однако по линии политического руководства также шел поток информации, дублирующий и уточняющий ту, что шла по линии военного командования. То есть командиры и командующие имели возможность сопоставлять сведения по военной и по партийной линии и принимать решения, опираясь на больший объем информации. Более того, иной раз политдонесения оказываются более информативными с точки зрения понимания происходивших событий, чем скупые оперсводки. Практика эта оказалась в ходе войны востребована и даже углублена: Генеральный штаб Красной Армии ввел должность офицеров Генштаба в войска, докладывавших о состоянии войск и ведении операций.

Кроме того, следует отметить, что не все политработники были гражданскими партийными руководителями без соответствующего образования и опыта. Были среди них такие люди, как комиссар И. З. Суцайков, легендарная личность, герой обороны Борисова в июле 1941 г. По образованию он был танкистом и возглавлял Борисовское автотракторное училище не как партийный руководитель, а как специалист. Впоследствии он был членом Военного совета Брянского, Воронежского, Степного и 1-го Украинского фронтов.

Нельзя не сказать также о том, что в 1944 г. своего рода «комиссары» появились в Вермахте. Это были так называемые «офицеры по национал-социалистическому руководству». Этот факт можно интерпретировать как признание противником небесполезности института военных комиссаров.

- В качестве примера тактики советского командования, обрекавшего своих солдат на «бессмысленную гибель», обычно приводятся контрудары против наступающих сил «Вермахта» в первые дни войны. Действительно ли такую тактику можно считать бессмысленной?

- Контрудары в течение всей войны были необходимым элементом обороны. Немцы, чей авторитет как военных профессионалов не вызывает сомнений, практиковали контрудары вплоть до последних месяцев и дней войны. Более того, широко известные успехи Вермахта в обороне были достигнуты именно контрударами. Так, именно контрудар Манштейна, проведенный силами танкового корпуса СС в февралю-марте 1943 г., привел к потере только что освобожденного Харькова и остановке продвижения Красной Армии на запад. В августе 1943 г. контрудары в районе Богодухова и Ахтырки позволили немцам восстановить целостность рассыпающегося фронта группы армий «Юг» под Курском во время контрнаступления советских войск. Контрудары подтянутых к Варшаве резервов позволили немцам в августе 1944 г. предотвратить освобождение польской столицы и стали прикрытием разгрома варшавского восстания. Другой вопрос, что не всегда был виден немедленный эффект от наносимых контрударов. Однако они вынуждали останавливаться, отвлекать дополнительные силы на защиту флангов. Контрудар под Сольцами в июле 1941 г. почти на месяц отложил потерю Новгорода и замедлил бег 4-й танковой группы к Ленинграду. Контрудары под Оратовым и Животовым оттянули окруженные 6-й и 12-й армий под Уманью. Удары по немецким частям под Ельней в конце июля 1941 г. отложили замыкание кольца окружения вокруг 16-й и 20-й армий под Смоленском. В каждом из этих случаев немцы теряли время, которого и в итоге не хватило под Москвой, Ленинградом и Ростовом. Такие примеры можно приводить долго. Если попытаться кратко сформулировать основную идею практики контрударов, то можно сказать так: «Контрудар – это способ использования войск там, где мы сильнее, а противник потенциально слаб». Перемещения войск не происходят мгновенно. Поэтому, если танковое соединение находится в точке «А», далеко не всегда

его можно использовать в точке «Б», где противник нанес неожиданный удар (хотя практика «армирования» обороны танками тоже имела место). Однако это танковое соединение можно использовать для удара по флангу нацеленной на точку «Б» группировки противника. Причем фланговый заслон будет очевидно слабее ударной группировки противника.

- Давно установилось мнение, что советские военачальники абсолютно не считались с потерями своих войск. Такое обвинение современными авторами часто предъявляется, например, маршалу Георгию Жукову. Обосновано ли такое мнение?

- Нет, не обосновано. Более того, имеются документы, в которых Г. К. Жуков прямым текстом требует от командующих армиями беречь людей. Не подтверждается тезис об особой «кровавости» Жукова и статистикой. Удельные потери объединений, которыми он командовал (т. е. отношение потерь к численности войск, понесших эти потери), оказываются ниже, чем у его соседей в тот же период времени.

Если даже предположить, что у советских военачальников не было никакой моральной ответственности за доверенные им жизни людей (что, очевидно, было совсем не так), беречь людей имело смысл из сугубо практических соображений. Если дивизия, армия, фронт понесут большие потери сегодня, то с кем воевать завтра? С кем освобождать новые города и получать ордена, расти по карьерной лестнице? Очевидно, что лучший карьерный рост будет у того, кто успешнее наступает и обороняется и требует меньше пополнений. Пополнения с неба не падают: через Красную Армию, НКВД и другие формирования СССР во время войны прошли 34 млн. человек, через вооруженные силы Германии – около 20 млн. человек. Воевать, не считаясь с потерями, при таком соотношении людских потенциалов затруднительно.

Исключений тут быть не могло. Никакая близость к вождю не могла заменить успехов на фронте. Высоко поднявшийся до войны Тимошенко в июне 1941 г. занимал пост наркома обороны, но в июле 1942 г. за ряд неудач был без особых колебаний смещен Сталиным и закончил войну на второстепенном направлении.

Критики Жукова и других полководцев часто ходят к ним с неверными критериями оценки. Жуков мог быть не самым приятным в общении человеком, но он был военным гением. Гении же часто оказываются трудными в повседневном общении людьми. Он мог раздражаться, когда его подчиненные не понимали очевидных для него вещей и не видели очевидных для него решений в бою и операции.

- Первые месяцы Великой Отечественной войны часто ассоциируются с использованием заградотрядов, которые должны были остановить отступление советских войск. Среди стран-участниц Второй мировой войны такую тактику применяли только в СССР?

- Некие механизмы борьбы с дезертирами имелись у всех воюющих сторон. Недавно я был в городе Зее-лов, и мне рассказывали, что в апреле 1945 г. одна из улочек этого немецкого городка стала «аллеей висельников»: немецкое командование безжалостно расправлялось с дезертирами и проявившими слабость на поле боя. Недобрую славу жестокого командующего, скорого на расправу с дезертирами, получил в последние месяцы войны Фельдмаршал Фердинанд Шернер, командующий группой армий «Центр».

Также необходимо сказать, что первые заградительные отряды появились под давлением обстоятельств еще в первые дни войны. Тогда они были инициативой снизу. Таковым был, например, заградотряд Западного фронта, которым командовал... интендант Маслов. Да, да, именно интендант из города Толочин. Который по своей инициативе останавливал отступающих и наводил порядок на шоссе Минск-Москва.

Приказ № 227 от 28 июля 1942 г. фактически узаконил и упорядочил деятельность заградотрядов.

- Публицисты иногда связывают наиболее тяжелые поражения советских войск в первые дни войны с апатией Сталина, отстранившегося от принятия стратегических решений. Согласны ли Вы с такой оценкой?

- Такая легенда действительно имела хождение в перестроечные времена. Она была введена в оборот, если я не ошибаюсь, Никитой Сергеевичем Хрущевым. Сейчас, когда опубликован журнал посещений кабинета Сталина в Кремле, можно вполне определенно утверждать, что никакого недельного бегства на дачу и самоустранения от дел не было. В первые дни войны И. В. Сталин напряженно работал, принимая в своем кабинете высших руководителей армии и промышленности. Более того, именно в это время были приняты многие ключевые решения. В частности, об отказе от довоенного мобилизационного плана и формировании новых соединений. Пропуск примерно на сутки имеет после потери Минска. Но это сутки, а не неделя. К тому же в эти сутки Сталин мог не принимать посетителей в Кремле, а сам побывать в Генштабе, например.

Михаил Хазин

Кризисные волны

Во втором квартале 2010 года в мире вновь заговорили о возможности наступления второй волны кризиса.

Здесь больше всего удивляет слово «вторая».

Если подходить к определению волны формально, то есть описывать ее в терминах «спад-отскок», то речь должна идти о третьей волне. Первая волна кризиса пришлась на вторую половину 2007 – начало 2008 годов, вторая – на вторую половину 2008 – начало 2009 годов. Ну а если уж подходить к этому вопросу более дотошно, то следует выделить еще и период конца 2007 года, когда многие подумали, что кризис завершился (тогда, действительно, была заметна некоторая стабилизация).

Итак, речь может идти только о третьей волне, или даже о четвертой (скорее, о третьей с половиной). Тогда почему же нам упорно твердят о второй?

Дело в том, что кризисы с двойным дном – явление хотя и достаточно редкое, но не исключительное. Таковые в истории бывали. Наличие двойного дна не дает оснований не рассматривать этот кризис в качестве циклического. А вот при наличии более двух волн у нынешнего кризиса аналогией ему может выступать только Великая депрессия, хотя большинство аналитиков все еще пытаются избежать этого сравнения.

По этой же причине и само начало кризиса принято относить к осени 2008 года, иначе получится, что кризис длится уже три года, а для обычного циклического кризиса это слишком долго. Впрочем, и два года, которые вскоре исполнятся кризису, даже по общепринятой версии – это уже явный перебор.

На самом деле, никаких волн у этого кризиса нет. Сегодня уже понятно, что всякий раз, когда ситуация стабилизировалась и даже на некоторое время начинала улучшаться, это происходило не в результате действия «невидимой руки», запускающей спонтанный рост экономики после того, как кризис расчистил почву и выправил структурные перекосы.

«Руки» все время были на виду: сначала это была рука Б. Бернанке, начавшего агрессивное снижение процентных ставок с августа 2007 года, что обеспечило два периода нормализации – в начале зимы 2007 года и в середине весны 2008 года. Когда возможности снижения ставок были исчерпаны, а кризис начал углубляться, за дело взялись участники G20.

Монетарные меры были дополнены пакетом беспрецедентных бюджетных мер.

Огромные траты государственных бюджетов по всему миру не могли не сказаться на динамике экономических показателей. Ведь что такое кризис? Кризис – это когда вы производите что-то, что не нужно потребителям по той цене, по которой вы можете хотя бы окупить издержки на производство. Тогда вы вынуждены увольнять рабочих, сокращать производство, снижать заказы смежникам, которые тоже начинают увольнять рабочих, и так далее по всей производственной системе. При этом уволенные рабочие, лишившиеся источника дохода, тоже прекращают потреблять, и спираль снижения закручивается все туже и туже.

Но если на потребителя откуда-нибудь с вертолета прольется золотой дождь в виде дармовых денег (или кажущихся таковыми), их (потребителей) склонность оплачивать ваши издержки возрастает, и тогда вам уже не нужно будет сокращать производство и увольнять рабочих. Кризис останавливается и, если повезет, может начаться новый подъем.

До лета 2008 года главным источником золотого дождя для потребителей по всему миру были банки, для которых стоимость привлечения средств существенно снизилась в результате антикризисной политики Федеральной резервной системы. Снижение ставок позволило создать эффект «дармовых денег», но ненадолго. Эффект этот проявляется только в том случае, если ставка снижается постоянно. Но когда ставка дошла до нуля, поддерживать иллюзию оказалось нечем.

Выяснилось, что займы все-таки надо отдавать, а перекредитоваться под более низкий процент невозможно. Золотой дождь сменился градом требований о возврате долгов, спрос на ликвидность резко вырос, и мировая экономика начала коллапсировать. Здесь на помощь пришли государства с их бюджетными расходами.

Золотой дождь вновь пролился на потребителей: им стали предлагать покупать товары по цене, которая покрывает издержки производителя и даже позволяет ему получать прибыль, по цене, которую сам потребитель никогда бы не заплатил – при условии, что часть цены оплатит правительство (схемы, конечно, использовались самые разные, но эта – наиболее эффективная).

Не надо испытывать иллюзий. В рам-

ках замкнутой экономики бюджетные деньги никакого эффекта принести не могут, а мировую экономику мы точно можем рассматривать как замкнутую. Ведь то, что правительство изымает в виде налогов – это деньги, которые потребители могли бы потратить сами. Но за них это делает правительство. Меняется только это, сумма остается неизменной.

Конечно, можно сказать, что если бы деньги оставались на руках у потребителей, они могли бы эти деньги не тратить, а начать сберегать. Но и этот довод смысла не имеет. Если речь идет о сколько-нибудь серьезных суммах, они направляются не под подушку, а в инвестиции, то есть опять-таки возвращаются в оборот в виде заказов на строительство и производство оборудования. Единственное, что в этом случае может сделать государство – это перераспределить средства между инвестициями и текущим потреблением в пользу последнего.

В принципе это единственный эффект, который может дать перераспределение денег через бюджетную систему. Действительно, если причиной кризиса является переинвестирование в предшествующий период бума, то такая политика дает возможность дозагрузить уже созданные мощности, обеспечить их окупаемость, не давая при этом возможности создавать новые. Собственно, именно поэтому общая рекомендация кейнсианства заключается в том, чтобы государство вкладывалось в инфраструктуру (в более радикальном варианте – в откапывание и закапывание ям). Инфраструктурные объекты не создают мощности, способные конкурировать с уже действующими, а впоследствии могут оказаться для чего-нибудь и полезными.

Проблема заключается в том, что увеличение текущего потребления за счет сокращения инвестиций способно производств на определенном уровне. Создается лишь иллюзия роста по сравнению с ситуацией, когда правительственные стимулы не действовали. Как только стимулы сворачиваются, экономика вновь начинает сокращаться.

Собственно, именно этот процесс мы сегодня и наблюдаем. Развитые государства уже не могут обеспечивать поддержание текущего потребления на прежнем уровне за счет бюджетных трат, поскольку государственные долги достигли таких размеров, что потенци-

альные кредиторы начали сомневаться в том, что смогут получить свои деньги назад. Стимулирующие программы постепенно сворачиваются. Кое-где стали говорить о повышении налогов (в частности, в России уже не только говорят, но и собираются на деле их увеличить).

Это понятно. Какова бы ни была форма, в которую облечены стимулирующие программы, в конечном счете, все сводится к раздаче денег. Если экономика начинает при этом достаточно быстро расти, то этот рост позволяет увеличить фискальные доходы государства и постепенно расплачиваться с долгами. А если рост не возобновляется, то занятые деньги оказываются потраченными впустую – отдавать их неоткуда, разве что увеличивая налоги.

Однако увеличивать налоги в условиях глобализации – дело почти что самоубийственное.

Страна, увеличивающая налоги, рискует тем, что из нее начнет утекать капитал, и уж точно сократится его приток. До сих пор основной формой международной конкуренции было как раз снижение налогов: именно в рамках этой конкуренции развитые страны и накопили свои гигантские долги, которые в кризис только увеличились. Сегодня страна, которая первая начнет повышать налоги, рискует тем, что в ней долговой кризис только усилится вследствие дальнейшего сжатия экономики.

Итак, во второе полугодие 2010 года мировая экономика вступает в состоянии усилывающегося хаоса (который находит свое отражение и в резких колебаниях фондовых и сырьевых рынков). Антикризисные меры надо сворачивать, и одновременно сворачивать их нельзя. Налоги надо повышать – и нельзя повышать. Понятно, что каждая страна будет стараться до последнего момента избежать радикальных решений.

Как бы то ни было, но антикризисные меры будут постепенно сворачиваться, а экономические показатели начнут ухудшаться. Вместе с ними начнет снижаться и уверенность в том, что мировая экономика восстанавливается. Она и так уже держится на очень тонкой ниточке, которая в любой момент готова оборваться.

Таким образом, напряжение в третьем квартале 2010 года будет расти, и нельзя исключить возможности очередного срыва мировой экономики в кризис.

khazin.livejournal.com

Михаил Хазин

Фрагмент очередного обзора «Неокона»

Министры финансов и председатели центральных банков G20 заявили, что послекризисное восстановление мировой экономики идет быстрее, чем ожидалось.

Прекрасная была бы новость, если бы не одно «но». Дело в том, что извещение о выходе из кризиса с августа 2007 года мы слышим уже третий раз, точнее, третий с половиной раз – если считать осторожные заявления поздней осени – начала зимы 2007 года. Это как в дурном сне. Каждый раз мировая экономика выходит из кризиса, чтобы спустя полгода-год опять начать из него выходить. Интересно, сколько еще лет этот сон продлится? Похоже, что не очень много.

Вообще говоря, трудно было выбрать более неудачное время для столь смелого заявления, которое позволили себе министры и председатели Центробанков. Как раз накануне вышли разочарывающие (это еще мягко сказано) данные по занятости в США. Одновременно о нарастании бюджетных трудностей и потенциальной угрозе дефолта объявил еще один член Евросоюза – Венгрия. Усилился поток негативных новостей из Китая, где уже вот-вот лопнет пузырь на рынке недвижимости, а может быть, и на других рынках. В результате мировые биржи в очередной раз резко покатались вниз.

Сложность сегодняшнего момента заключается в том, что очередной виток кризиса своей непосредственной причиной имеет те усилия, которые несколько ранее предприняли министры финансов и председатели Центробанков для того, чтобы побороть кризис. Ведь в чем была идея?

Считалось, что кризис, конечно, глубокий, но не долгий. Поэтому главная задача – это не дать кризису

парализовать инфраструктуру мировых финансов и подорвать социальную стабильность. Для этого нужны деньги – и их можно занять. Когда кризис закончится и рост экономики возобновится, займы легко можно будет отдать.

В результате же получилось следующее: деньги заняты и потрачены, а отдавать нечего. Конечно, «восстановление мировой экономики идет быстрее, чем ожидалось», но недостаточно быстро для того, чтобы сгенерировать доходы, достаточные для того, чтобы отдать деньги, обеспечившие это самое «восстановление». А кредиторы уже стоят в дверях и требуют деньги вернуть.

С этой точки зрения фраза про «более быстрое, чем ожидалось, восстановление» представляется крайне неудачной. Задача ведь в чем состоит? В том, чтобы убедить кредиторов немного потерпеть, а заодно попросить у них еще денег. Но с какой стати кредиторам ждать и давать деньги еще, если все обстоит так хорошо? Вы, думает кредитор, занимали деньги, ожидая менее быстрого восстановления, но даже при этом намерены были деньги вернуть. Если же дела у вас обстоят лучше, чем ожидалось, то что вам мешает это сделать?

Тут, конечно, очень тонкий психологический момент. Представьте себе, что Вы, уважаемый читатель, задолжали банку приличную сумму. Вернуть ее вы пока не можете, а может быть, не сможете никогда. Но вам сейчас позарез нужны деньги, и получить их можно только, взяв в банке новый кредит. Вопрос: как одеться для визита в банк?

Можно прийти в банк в обноски, с трехдневной щетиной и демонстрировать, что Вы с минуты на ми-

нуту упадете в обморок от голода и истощения сил. То есть давить на жалость. Тогда Вам, может быть, отсрочат выплату прежнего кредита, но новых денег точно не дадут.

А можно поступить и совершенно иначе. Одеться в самый что ни на есть дорогой костюм, нацепить на себя все драгоценности, которые есть, сунуть в зубы сигару полуметровой длины и в таком виде с шутками и прибаутками подъехать к банку на взятом напрокат лимузине. В общем, представьте себе типичную сцену из многочисленных фильмов про мошенников. Вы входите в банк, весело хлопаете менеджеров по плечам, рассказываете им свежие анекдоты, интересуетесь их делами. Что-то вроде: «Вы выглядите немного уставшим. Вам надо отдохнуть. Я в выходные собираюсь поиграть в гольф – не составите мне компанию? Нет-нет, я приглашаю».

Ну и, между делом: «Да, кстати, у нас тут с вами какие-то мелкие денежные расчеты. Прекрасно помню. Не беспокойтесь, дела идут отлично, гораздо лучше, чем ожидалось. Настолько хорошо, что не хватает наличных – все в бизнес, все в бизнес. Не подкинете еще немного денег до конца месяца? Тогда сразу за все и рассчитаемся».

Тут, конечно, как получится, но может и выгореть. Видимо, дела в мировой экономике идут совсем уже плохо, раз уважаемые солидные люди – министры финансов и председатели Центробанков – вынуждены прибегать к такого рода мошенническим трюкам.

khazin.livejournal.com

Пишет smirnoff_v

Гражданственность как антитеза гражданскому обществу

Сам термин «гражданственность» в русском языке является заимствованным (Citizenship, Staatsbewußtsein), но, как и многие другие общественно значимые понятия, имеет в контексте отечественной культуры особый, специфический смысл.

В западной литературе существует немало различных подходов к пониманию категории гражданственности. Но, несмотря на их видимую оригинальность, понятие гражданственности в рамках западной культуры, в конечном счете, можно свести к определению Гидденса, сформулировавшего свойство гражданственности как «совокупность правил и ресурсов, способствующих производству/воспроизводству социальных институтов, «зафиксированных» во времени и пространстве», как и институционализированных социальных ролей. Критерием гражданственности является способность индивида к выполнению социальных ролей в соответствии с установленной социетальной моделью. Гражданство есть присущее гражданину умение выполнять свою роль в гражданской общине, пользоваться правами и свободами гражданина и с чувством гражданской солидарности выполнять гражданские обязанности, добронравно относиться к согражданам и уважать их права и свободы. Гражданственность — это, конечно, идеал, но достаточно приземленный, и этим идеалом является добропорядочный бюргер или «потребитель» современности.

Существенно иные черты понятие гражданственности приняло на отечественной почве. С самого своего появления в XIX веке гражданственность понималась через призму высоких нравственно-этических черт личности. Гражданственность в России далека от обыденности, это не повседневное состояние — напротив, проявление гражданственности обычно требует «гражданского мужества». Человек с высоким чувством гражданственности ориентирован не на частный интерес, это ни в коем случае не добропорядочный бюргер, а тот, кто отдает все силы служению на благо народа и страны. Гражданственность требует принимать на себя ответственность за все окружающие человека беды и несправедливости. Как считал А. Н. Аринин, «гражданственность — это узлы морально-духовной солидарности... по ответственности за продолжение рода и российской цивилизации, если хотите, — за весь мир, всю природу и все человечество». Формулировка, конечно, далеко не научная, но адекватно демонстрирующая ту специфику, которую приобрело понятие гражданственности в рамках отечественной культуры.

Интерес к понятию и явлению «гражданственности» связан со спецификой отечественной власти, во-первых, как иерархической, а во-вторых, как власти, исторически выстраивающей свою «вертикаль» на обязанностях, а не на правах.

Сегодня власть обычно противопоставляют обществу, народу. В этом контексте находит свое место и «гражданское общество», понимаемое как самоорганизованное в определенные структуры общество, противостоящее власти. Надо заметить, что подобный дискурс безусловно понимает власть как нечто отдельное от народной массы, противостоящее ей и осуществляющее функцию власти как некий особый субъект.

Можно признать, что подобная позиция имеет своим теоретическим основанием концепцию рациональной бюрократии Макса Вебера, а практически — опыт западноевропейской цивилизации, начиная от Нового времени вплоть до наших дней. В эпоху, называемую Новым временем, в странах Запада появляется профессиональная бюрократия, которая занимается исключительно тем, что осуществляет управление. Конечно, ошибкой было бы сводить всю политическую власть к власти бюрократии, однако именно ее рост, расширение компетенций и т.д. сделали бюрократическую власть чрезвычайно важной составляющей политической власти и во многом определили понимание политической власти как автономного в определенной мере субъекта, противостоящего народу. Автономность подобной власти заключается в том, что существует отдельная, особая властная иерархия, главным образом основанная на иерархии бюрократической, и она не совпадает с общественной иерархией, или, правильнее сказать, пирамидой.

Однако было бы ошибкой полагать, что отношения власти и подчинения останавливаются на уровне государственной власти. Сами по себе гражданские ассоциации и иные элементы гражданского общества зачастую в гораздо более непосредственном виде осуществляют отношения власти и подчинения, тем самым реализуя функцию управления.

Нужно заметить, что подобный способ властвования вовсе не является исключительным изобретением Запада. И Римская империя, особенно на поздней стадии своего развития, и императорский Китай отличались подобным бюрократическим способом организации управления. Однако не стоит забывать, что такой способ организации власти — это

лишь одна из возможных форм. В средние века на Западе, вплоть до середины XIX века в России существовала система власти, которая существенно отличалась от «бюрократической». Суть ее заключалась в том, что она не являлась автономной по отношению к обществу, к народной массе, а в полной мере совпадала с общественной иерархией.

Феодализм — наиболее чистая форма подобного типа организации власти. Его специфика заключалась в том, что определенное место в общественной иерархии, в отношениях собственности и т.д. означало и определяло соответствующее место в иерархии властного управления. Тот или иной феодал именно постольку, поскольку владел определенными землями, занимал определенное место в синьорально-вассальных отношениях, получал и определенное место во властной иерархии. Впрочем, можно сказать и наоборот: место во властной иерархии определяло его право на земельное владение. Власть, имущественное господство и социальное положение обуславливали друг друга и были неразрывны.

Необходимо заметить: тот факт, что феодальная иерархия в странах классического европейского феодализма ограничивалась благородным сословием, ниже которого находилась масса населения, отлученная и от собственности (а основная собственность феодального общества — это земля), и от власти, определял противостояние классов, а не народа и власти.

В еще более законченном виде подобная система властвования встречается в России в московскую эпоху, когда иерархия власти вовсе не ограничивалась благородным сословием, а распространялась на все общество. Причинами тому были как определенный тип отношений, называемый «служилым характером» московского государства, так и тем, что благородное сословие еще не отделилось от народной массы, регулярно рекрутировалось из нее. Да и сама народная масса, или «черный люд», была организована на «служилых» основаниях и тем самым включалась во властную иерархию, распространяемую сверху донизу.

Служилая система в своей основе имела не права тех или иных социальных групп, а их обязанности, их ответственность. Определенные обязанности и ответственность по необходимости обеспечивались соответствующими ресурсами, что и определяло место во властной иерархии.

Как следствие, разговор о противостоянии общества и власти, о способах самоорганизации общества в этом противостоянии вообще теряет всякий смысл, ибо власти в обществе, автономной от общества, попросту не существует.

Часть 2.

Однако изменения в русском общественном устройстве, начиная с XIX века, потребовали создания слоя профессиональной бюрократии. Но бюрократия в России никогда не достигала численности, подобной бюрократиям западных стран, и не становилась достаточно автономной. Таким образом, бюрократическая вертикаль всегда в значительной степени совпадала с общественной пирамидой.

В уродливой форме подобная ситуация существует и в современной России, где «властный ресурс» является прямым аргументом в пользу распределения собственности. Тот факт, что и от власти, и от собственности сегодня отчуждена большая часть населения России, делает актуальной тему общественного противостояния. Хуже то, что отчужденное от власти большинство населения страны именно в результате этого отчуждения не охвачено и не пронизано системой власти. Это большинство — как бы не часть государства, а анархическая масса, что убийственно и для самого государства, ибо «властная вертикаль», построением которой занимался Владимир Владимирович Путин, на самом деле крайне ничтожна, ибо локализована в верхушке общества. До большей части населения страны «властная вертикаль» попросту не доходит, управленческие сигналы туда не поступают. Нет у верхушки и адекватных сигналов снизу. В этом смысле Россия сегодня напоминает парализованного человека, сигналы мозга которого не доходят до конечностей по причине разрушения периферической нервной системы, хотя обильная мимика сообщает нам, что пациент жив. Впрочем, поскольку и мозг больного существенно затуманен, описанный паралич в некоторой степени идет на благо несчастному, не позволяя больному навредить самому себе еще больше.

Но вернемся к гражданственности. Как бы то ни было, сегодня бюрократия является необходимым элементом управления. Однако и бюрократическое управление связано с принципиальными проблемами. Система рациональной бюрократии, охватывающей все общество сверху донизу, добирающаяся до самых мельчайших его частиц, слишком тяжела, слишком дорого Левиафан обходится любому обществу. Но, как это видно на примере современной России, отсутствие систем

власти, систем управления в тех или иных периферийных сферах общественной жизни приводит к параличу общества, разрушает его управляемость, нарушает социальный порядок. И любое общество исторически дает свое разрешение вышеописанной проблеме.

Западное общество организует такие периферийные отношения управления, власти и подчинения в виде гражданского общества, и система работает за счет постоянной конкуренции (борьбы и сотрудничества) властных звеньев за сферы компетенции, что идеологически выражается в борьбе (сдерживании) элементов «гражданского общества» против центральной власти и между собой.

Отечественная же цивилизация дает такой ответ, как «гражданственность». Как и служилая/тягловая система организации русского общества на заре его истории, гражданственность прямо связана не с правами, а с обязанностью и ответственностью.

Гражданственность, по моему мнению, — это способность личности вне зависимости от своего социального положения взять на себя ответственность за проблемную ситуацию в обществе, в сфере своего социального влияния. Принятие на себя ответственности и соответствующих обязанностей означает принятие на себя власти в указанной сфере. Именно благодаря гражданственности в «хорошем обществе» русской цивилизации, организуется вся система периферического управления, аналогичная «гражданскому обществу» Запада.

Конечно, для организации «хорошего общества» недостаточно гражданственности со стороны людей. Необходима еще способность государства этой гражданственностью воспользоваться, т.е. своевременно наделять ресурсами и, что наиболее важно, легитимностью того, кто принял на себя ответственность и соответствующие обязанности в проблемной ситуации.

В России легитимность идет не снизу вверх, а сверху вниз. Как следствие, любая гражданственность может выглядеть самозванчеством без надления легитимностью со стороны высшей власти. В то же время отказ от надления легитимностью со стороны власти в глазах народа выглядит несправедливостью, если действия лица, взявшего на себя ответственность, со всей очевидностью направлены на благо людей и страны.

В истории России мы можем найти достаточно примеров успешного, справедливого поведения высшей власти в подобных ситуациях. Например, показательна история Ермака, покорителя Сибири. Ермак берет на себя ответственность (войну с сибирскими татарами) и, соответственно, власть в этой сфере; после первых успехов посылает к царю своего сподвижника, атамана Кольцо, за ресурсами и, в первую очередь, за легитимностью, и в итоге успешно получает и то, и другое. Цепь власти и управления связывается.

Приведенный пример, конечно, исключителен, но подобная коллизия вновь и вновь разрешалась на гораздо более обыденном уровне на всем протяжении русской истории.

Очевидна и причина того, что с западной точки зрения русская система властного управления представляется тотальным диктатом сверху. Поскольку в случае успеха лицо, проявившее гражданственность, тут же наделяется легитимностью со стороны высшей власти и тем самым превращается в агента этой самой власти, чуждому взгляду (а западникский взгляд именно чужд) ситуация видится не иначе, как очередное вмешательство тотальной власти в гражданские дела. Того, что условием установления очередной властно-управленческой цепочки с необходимостью является самостоятельная инициатива гражданина, чуждый взгляд не замечает. Более того, чем оперативнее и решительнее власть отвечает на инициативу снизу (а так оно и случалось в наиболее блестящие и успешные эпохи русской истории), тем более тотальным представляется западнику вмешательство государства, и тем более тоталитарным — общество, а сущность русского человека — рабскою. Конечно, тот же западник не может не отметить, что когда дело обстоит прямо противоположным образом, т.е. когда государство отказывает инициативе снизу в легитимности, игнорирует ее, не поддерживает ресурсами, в русском царстве наступают смутные времена. Таким образом, вся русская история представляется западнику как постоянное шараханье от дурного к очень дурному, от тоталитаризма к развалу и обратно к тоталитаризму.

Западник, утвердив себе идею гражданского общества (основанного на конкуренции компетенций), видит в гражданственности только одно — оппозиционность. А вот тут и начинается обычная проблема — несоответствие ожиданий. Власть не понимает, чего от нее хотят, и зачем нападают, а западникская интеллигенция — за что ее бьют и почему вообще бьют, а не занимаются политическим торгом.

Впрочем, черт с ними, с западниками...

Надежда Никитская

Тоталитаризм

Хотя обстоятельства его появления весьма интересны. И связаны они с событиями первых лет после окончания Второй мировой войны. СССР и вообще все советское стало очень популярно в мировом сообществе. Оно и понятно, ведь Советский Союз считался страной-победительницей общего врага – фашизма (тогда в решающей роли СССР в победе еще никто не сомневался).

Но уже в 1946 г. мир вернулся к конфронтации. «Холодная война» разгоралась, и ее инициатором был вовсе не СССР, а Великобритания и США, наши бывшие союзники, напуганные все возрастающей популярностью коммунистических идей. Для успешного разжигания антисоветских настроений в мировом сообществе, которое только недавно вышло из кризисного состояния большой войны, нужно было показать все «ужасы коммунизма». Проще всего это было сделать путем сравнения Советского Союза с Третьим Рейхом: люди того времени многое прочувствовали на себе, и им не надо было объяснять, что фашизм – это плохо.

Дело по дискредитации СССР было действительно непростым, учитывая огромную популярность «левых» идей в мировом обществе. Незабвенный роман английского публициста Дж. Оруэлла «1984» о «тоталитарной версии социализма» был просто разгромлен критикой. Был он «заказным», или писатель настолько проникся эмигрантскими рассказами об ужасах советского режима (других источников информации о внутренней жизни страны у него не было, и сам он никогда не приезжал в Россию), что не мог молчать – уже не имеет большого значения. Это произведение могло бы так и остаться широко известным в узких кругах, если бы не усилия по его рекламе и продвижению, предпринятые впоследствии. Роман сыграл важную роль, прежде всего, как иллюстрация «тоталитарного общества». Удивительно, что некоторые до сих пор умудряются ссылаться на него: видимо, реклама была очень хороша.

Конечно, художественных произведений было явно недостаточно – потребовалось и научное обоснование. С 1947 г. в США проводится масштабная работа в этом направлении, конечно, с привлечением ученых. Одной из них была Ханна Арендт. Родилась она в Германии, где получила блестящее по тем временам философское образование, но после прихода Гитлера к власти ей пришлось перебраться во Францию. В 1940 году за деятельность, связан-

ную с перемещением еврейских детей в Палестину, Арендт была арестована. Несколько недель она провела в лагере для интернированных, но уже в 1941 году ей удалось эмигрировать в США. С этого же года она занимала должность исполнительного директора корпорации «Еврейское культурное возрождение», а после падения гитлеровского режима участвовала в комиссии по расследованию его преступлений против евреев. В течение многих лет Ханна Арендт преподавала в престижных американских университетах.

В результате проведенных ею научных исследований в 1951 г. миру была явлена научная книжка «Истоки тоталитаризма», где на основе сравнения режимов Гитлера и Сталина делался вывод об их родстве. Родство было обозначено понятием «тоталитаризм» (кстати, само слово употреблял еще Муссолини для характеристики своего режима, придавая ему положительное значение).

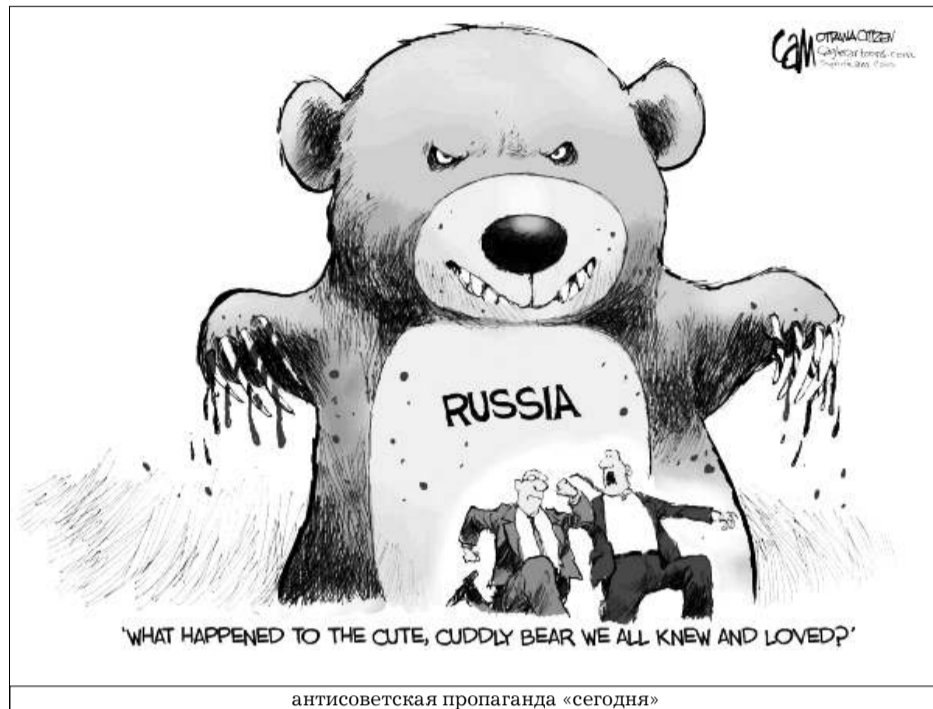
Тоталитарным было названо жестокое государство террора. Автор выделила такие его черты, как (внимание!) расизм, антисемитизм, империализм, засилье бюрократии. Такой режим поддерживается населением потому, что ему удается втянуть в политику тех, кто ему вообще не интересовался, тех, кто ни за что бы не вступил ни в какую партию. Здесь были использованы сформулированные ранее идеи об «атомизированном обществе», т.е. о таком, в котором сословные и классовые связи рассыпались, и люди оказались изолированными друг от друга. В такой ситуации люди стремятся вступить в массовое движение (в т.ч. и с политической окраской), чтобы избавиться от чувства одиночества и получить поддержку группы.

Далее – самое интересное. При сравнении истории Германии и России до эпохи тоталитаризма автор приходит к выводу о том, что если в Германии сословные и классовые связи разрушились естественным путем, то в Советской России – искусственно, и сделал это один человек специально для обретения полной личной власти.

Нет, это был не Ленин. После свержения «демократического правительства Керенского» (именно так и написано в книге) «Ленин хватался сразу за все возможные виды дифференциации – социальную, национальную, профессиональную, дабы внести какую-то структуру в аморфное население, и, видимо, он был убежден, что в таком организо-

ванном расслоении кроется спасение революции». В примере здесь приведены национальные республики, профессиональные союзы и т.п.

Черное дело совершил другой исторический персонаж. Тот, кто ликвидировал в начале 1930-х гг. крестьянский класс, создав колхозы и совхозы, затем ввел «стахановскую систему», которая «разрушила остатки солидарности и

антисоветская пропаганда «сегодня»

классового сознания среди рабочих, во-первых, разжиганием жестокого соревнования и, во-вторых, временным образованием стахановской аристократии». В завершение всего, этот человек ликвидировал бюрократию, которая «проводила предыдущие ликвидации». Численность ликвидированных исчисляется уже десятками миллионов. Правда, Арендт делает такую оговорку: «Поскольку о Советской России мы не имеем почти ничего, кроме спорных источников, то приходится полагаться на весь доступный массив новых рассказов, известий, сообщений и оценок разного рода. Все, что можно сделать, – это использовать любую информацию, по меньшей мере, производящую впечатление высоко вероятной. Некоторые историки, видимо, полагают, что противоположный метод, а именно – использовать исключительно любой доступный материал, поставляемый русским правительством, – более надежен, но это не тот случай. Как раз в официальном материале обычно нет ничего, кроме пропаганды».

Но это, конечно, слишком. Допустим, нет доверия к правительственным источникам. Но это не дает права некритично использовать «любые другие» источники. Что значит «любые другие»? Ими может быть даже эмигрантский треп, и что теперь – на основе столь «важных» и «достоверных» источников делать глобальные выводы?

А выводы были действительно глобальны. СССР придавались демонические черты, причем всячески подчеркивался отказ советских руководителей от идей Ленина. В дальнейшем идея развивалась. Под определение тоталитарных попали и все остальные коммунистические страны, чтобы гражданам государств, к таковым не относящихся, и в голову не приходила мысль о каком-то коммунизме и т.п. Пригодилось все: и многострадальный пакт Молотова-Риббентропа (мол, советская угроза страшнее немецкой), и широко разрекламированные труды А. И. Солженицына (о терроре с десятками миллионов жертв), и многое другое. Использовались, опять же, «любые доступные материалы».

Что интересно: если сейчас заходит речь о «тоталитаризме», не очень-то много бывает слышно об «атомизированных массах» и «демократии Керенского». Говорят все больше о громоздкой бюрократической системе, государственном тер-

роре, тотальном контроле над всеми сферами общественной жизни, одной господствующей идеологии, жестокой эксплуатации населения и так далее, и в том же духе. Почему?

Потому что при желании названные черты «тоталитаризма» можно увидеть везде. Любое государство имеет систему подавления, часто грешит невыплатой достойного вознаграждения за труд, и не очень-то любят и любил руководители всех времен и народов острую критику в свой адрес. Нетерпимость к инверсам, людям другой расы, другой культуры, громоздкие бюрократические аппараты, стремление к расширению сферы влияния – все это было свойственно большинству крупных и не очень государств со времен Древнего Египта. И разве руководство этих стран не стремились к тому, чтобы на умы граждан влияла какая-то одна идея? Отсюда и преследование христиан в Римской Империи, и религиозные войны средневековья, и другие подобные явления. Самое интересное, что многие черты «тоталитаризма» можно увидеть и в цитадели «истинной демократии» – США, но об этом сегодня не принято говорить.

Конечно, многие могут на это возразить, что Сталин был исключительно жестоким политиком и устроил террор против собственного населения. Но тогда ответьте на вопрос: почему это должно волновать граждан США? На чем основана вера в то, что они так прониклись сочувствием к голодающим русским крестьянам, что не могли промолчать и рассказали миру о том, какое жестокое советское государство? Есть какие-то примеры проявления острой жалости к другим народам со стороны США? Нет, и никогда не было. Дело вовсе не в жалости и не в желании найти правду. Причина создания концепции «тоталитаризма» одна: стремление во что бы то ни стало победить в «войне идей», чтобы затем постепенно утвердить свое господство в мире.

Концепция эта – своего рода оружие в информационной войне, которое вполне может поспособствовать разрушению страны (срабатывает эффективно: людям вдруг «открывают глаза» на тоталитарную сущность их собственного государства). Сейчас, как нас уверяют, эта война позади, и Америка – наш новый друг. Но почему тогда этот «друг» продолжает применять то же оружие?

антисоветская пропаганда «вчера»

Väterchen Stalin: „Zum Teufel! Die Tscheka mordet gut!“

Александр Шумский

Самоприговор сотрудников НТВ

Иерей Александр Шумский о документальном фильме «Москва НЭПовская»

Недавно по наименее вредному телеканалу НТВ был показан документальный фильм «Москва НЭПовская». В фильме рассказывалось о том, что представляла собой так называемая Новая экономическая политика, проводимая советской властью в 20-е годы минувшего века. Ничего принципиально нового подготовленный зритель не увидел. Здесь важно и удивительно другое – то, что фильм «Москва НЭПовская» был показан именно по НТВ, каналу, который за годы реформ стал символом разрушения, разложения, нравственной опустошенности и цинизма. Ни один телеканал не сделал больше для гибели нашего Отечества, чем НТВ.

Почему я удивляюсь? Потому что более саморазоблачительного материала мне давненько не приходилось видеть на этом канале. Подобное удивление я испытал лишь несколько лет назад, когда по НТВ прошел художественный сериал «Сталин лайф» (Жизнь Сталина), который, судя по всему, должен был способствовать развенчанию фигуры вождя. Вместо развенчания получилось увенчание. Попробуйте теперь достать полную версию этого сериала. Я слышал, что после демонстрации этого фильма на НТВ был скандал: как мог пройти такой просталинский фильм? Но, как говорится, «и на старуху бывает проруха». Есть замечательное выражение: «Когда Бог хочет кого-то наказать, то Он лишает его разума». Нечто похожее произошло с НТВэшниками в минувшую субботу. Трудно представить себе большее саморазоблачение. Зюганов с Ампи-

ловым лучше бы не смогли.

Любой нормальный, неизвращенный человек после просмотра фильма «Москва НЭПовская» может сделать только один вывод: период НЭПа – это период самоуничтожения страны. В фильме нет ни одного положительного, ни одного позитивного факта. Есть только негатив. Судите сами: в стране, как плесень, множились всякие фирмы и фирмочки, вернулись в обиход слова «барин» и «половой», все хотели торговать, но никто не хотел ничего вкладывать в экономику. Царил разгул пьянства. Как сказал Владимир Маяковский, произошло «размораживание обывателя». Проституция, особенно детская, достигла чудовищных размеров. В самом конце НЭПа в Москве было более 10 тыс. проституток, имеющих «желтый билет». Во время переписи населения в 1926 году люди в анкетах прямо указывали на род своих занятий: «проститутка», «вор», «певец» и тому подобное. На всех уровнях утвердился чудовищный разврат. Бесстыдство достигло невиданного масштаба. Полное отсутствие какого бы то ни было нравственного воспитания, забвение всех моральных норм, стирание грани между сексом и любовью, умирание брака, регистрация которого перестала быть обязательной, свальный грех в так называемых «коммунах»... Преступность захлестнула города и веси. В Москве были районы, куда представители милиции не могли сунуть носа. Уголовный мир ощущал себя в полном комфорте. Появились официальные банкиры и миллионеры. Спекуляция всех видов и взяточничество были тотальными, нэпманы были

вовлечены в валютный бизнес и наркотики. Было полно опиумных притонов, где заправляли китайцы, кокаин продавался в аптеках открыто. Беспорядки поделили Москву на зоны. Коррупция была повсеместной. Появились так называемые «краскупы» (красные купцы) – это чиновники, связанные с преступным миром и занимающиеся спекуляциями и валютными махинациями. В коррупцию, особенно на железнодорожном транспорте, были вовлечены даже работники ГПУ. И так далее, и тому подобное. В результате в стране началась гиперинфляция, и СССР подошел вплотную к полной финансовой катастрофе. Первыми от сталинских репрессий пострадали те, кто занимался валютными махинациями.

Все приведенные выше слова – почти дословный пересказ текста комментатора фильма. Понимают ли сотрудники НТВ, что у любого нормального человека неизбежно возникает вопрос: а что оставалось делать товарищу Сталину в сложившейся ситуации? Ответ один: реальная ситуация, сложившаяся в период НЭПа, не оставляла Сталину выбора. И, как ни крути, получается, что главными виновниками репрессий были легионы преступников, которые уже почти оседлали российскую жизнь. Сталин на самом деле едва успел. Ещё бы один-два года – и всё, конец стране. Он прекрасно понимал, что Советскому Союзу предстоит тяжелейшая война с Западом. И для любого разумного и объективного человека очевидно то, что Россия НЭПовская была неспособна подготовиться к будущей войне. Отсюда неумолимо

следует, что прекращение НЭПа и последовавший за этим большой сталинский скачок обусловили наше физическое выживание, и масштабы сталинских репрессий были, прежде всего, обусловлены масштабом нравственного и правового беззакония при НЭПе. Так что, господа «НТВэшники», отвечу Вам, как говаривал Николай Васильевич Гоголь: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива».

НЭП был попыткой либеральной контрреволюции, которая неизбежно вела страну к полному военному поражению и физическому уничтожению. «Большой скачок» Сталина – это имперская контрреволюция, которая спасла страну. В духовном смысле НЭП был разгулом бесовщины. В неоднозначном романе Булгакова «Мастер и Маргарита» это очень хорошо показано. А теперь умножьте то, что было при НЭПе раз в 100, и вы получите современную российскую действительность. Кстати, символично, что в рекламных паузах во время показа фильма «Москва НЭПовская» всё время демонстрировали виртуальную даму легкого поведения, кривляющуюся на шесте... Так вот какую жизнь отстаивают сотрудники НТВ! Их цель – гибель страны, её разложение, аннигиляция. И не происходит это только лишь потому, что есть у нас еще баллистические ракеты РС-20, явившиеся результатом «большого сталинского скачка». А, может быть, хитроумные ребята из НТВ готовят себе отходные пути в предчувствии нового большого скачка.

Иерей Александр Шумский
www.ruskline.ru

Пишет smirnoff

О газе

Попробую изложить существо российско-белорусского газового конфликта таким, каким его вижу. Возможно, я ошибаюсь, и если есть в этом вопросе специалисты, пусть они меня поправят. Для начала я скажу именно о формальной стороне дела, а не о «хтонических» его причинах. Дело в том, что в этом конфликте весьма ярко высвечивается экономическое состояние России и ее внутриэлитный баланс.

Но начинать нужно с истории вопроса.

В 2006 году, во время предыдущей газовой войны, стороны стояли на следующих позициях:

Газпром полагал, что поскольку цены на газ в мире растут, и вообще Европа платит за газ гораздо больше, то больше должна платить и Беларусь. Вполне понятная позиция!

Беларусь утверждала, что если у нас единое экономическое пространство, то цена газа на всем пространстве должна быть одинакова, ибо в противном случае предприятия на территории Беларуси будут находиться в заведомо худших условиях по сравнению со своими российскими конкурентами, и единое экономическое пространство теряет всякий смысл. Также вполне логичный подход!

Был предложен целый ряд компромиссов. Например, при условии продажи Газпрому Белтрансгаза белорусские предприятия покупали бы газ прямо у Газпрома, однако Лукашенко на это пойти не мог, ибо терял важнейший рычаг контроля над экономикой.

В результате пришли к следующему компромиссу: Газпром заявил, что для спора вообще нет причин, ибо при повышении цен на газ для Беларуси будут расти и внутрироссийские цены, то есть сложится одинаково трудная ситуация и внутри России, и в Беларуси. Были составлены графики (формулы) увеличения цены и для Беларуси на годы вперед, и для России.

Что же произошло сегодня?

Как я понимаю, появился разрыв между ценами на газ в России и Беларуси.

Газпром говорит: вот формула, которую мы согласовали для Беларуси, и будьте добры платить нам по этой цене.

Беларусь отвечает: наша формула была привязана к увеличению внутрироссийских цен, а сейчас российская цена на газ ниже, поэтому нечего и говорить – будем платить по внутрироссийской цене!

То есть стороны вернулись к ситуации 2006 года.

В чем же принципиальная, сущностная причина этих конфликтов? А состоит она в том, что Россия, как бы это помягче сказать, является «энергетической империей». Это означает, что промышленное производство в стране находится... помягче и не скажешь. Но и то, что осталось, находится на достаточно элементарном уровне развития и не может относиться к белорусской промышленности иначе как к конкурентам. А высокотехнологическая промышленность, заинтересованная в кооперации и едином экономическом пространстве, не имеет во внутриэлитном балансе России существенного представительства.

По сути, никакой таможенный союз «энергетической империи» не нужен. Ей вообще ничто не нужно, даже население. Ей нужно минимизировать внутренние издержки (промышленность, армия, образование и т.д.) и максимально нарастить экспорт энергоносителей по максимальным ценам. Все!

Если представить Россию модернизирующуюся, Россию, ориентированную на промышленный рост, тогда ей выгодно единое экономическое пространство. Издержки по ценам на энергоносители существенно перекрывались бы, как минимум, расширением рублевой зоны. Впрочем, в такой ситуации можно было бы обнаружить много плюсов для России, но какой смысл? Такой России у нас сегодня нет. У нас есть «энергетическая империя» – получите и распишитесь...

Ну и нельзя забывать о субъективных причинах конфликта. Газпром очень уж хочет протолкнуть приватизацию Белтрансгаза. И белорусской нефтепереработки заодно. С последним ситуацией сложилась особенно забавно. Налицо показатель тяжелейшего умственного искажения российских элит, вызванного их первородным грехом, – приватизацией 90-х.

Ведь, казалось бы, валюты у России было валом, не знали куда девать. Ну, так купили бы себе с десяток самых современных НПЗ, построили бы их в России и наслаждались экспортом высококачественного горючего и масел. Но у них так в принципе голова не работает! В принципе! Они ничего не могут построить, даже если есть на это деньги. Они не в состоянии думать в этом направлении – какая-то мертвая зона в голове.

Российские элиты занимаются приращением богатства по одной, единственно понятной им, генетически вбитой схеме, а именно: приватизировать по дешевке то, что построил кто-то другой. Они – приватизаторы и рейдеры, и другими быть просто не могут, как не может волк есть траву, а овца – мясо. Гены...

Эта схема далеко не самая выгодная даже для них, с чисто капиталистической точки зрения. Я полагаю, что на нефтяных войнах они уже потеряли больше и могут приобрести меньше, чем построив еще несколько лет назад свои собственные технологичные НПЗ. Но «они не могут иначе»!

Так что пока в России эти элиты находятся у власти, никакого таможенного союза не появится, а газовые и нефтяные конфликты будут только нарастать, и Беларусь будет-таки вытолкнута в Евросоюз (коли последний переживет этот кризис). А потом возвращать ее в русский мир будет гораздо тяжелее.

smirnoff-v.livejournal.com

Дмитрий ЛЫСКОВ

Ересь революции – современный взгляд

Социал-демократы громили эту точку зрения сразу по нескольким фронтам. С одной стороны, опираясь на марксистскую теорию, они указывали на невозможность миновать закономерные этапы общественного развития, перепрыгнув из феодальной формации в социалистическую. Причем, это не являлось догмой и не было «самим в себе» самоценным утверждением «потому, что Маркс так сказал». Только промышленно развитая культура с высокой производительностью труда может обеспечить «изобилие» для социализма, а для развития такой культуры неизбежно требуется капиталистический этап развития.

С другой стороны, эсдеки указывали на аморфность и нереволуционность крестьянской массы, даже не рассматривая крестьянство как класс. По выражению Плеханова, крестьянство – это «состояние».

Обобщенно социал-демократы склонны были рассматривать крестьянство скорее как силу мелкобуржуазную. В лучшем случае – как слой населения, в котором только начинаются процессы разделения на классы. Правда, в работе «Развитие капитализма в России», вышедшей в 1899 году, Ленин указывал, что этот процесс зашел достаточно далеко, что крестьянство расслаивается, выделяя, с одной стороны, сельский и городской пролетариат, а с другой – сельскую буржуазию. Но эту оценку – о далеко зашедшем процессе расслоения – будущие события не подтвердили.

С точки зрения социал-демократов, невозможность опоры на крестьянство была очевидна. Они делали ставку на конкретный класс – городской пролетариат. Форсированное развитие промышленности в России на рубеже веков, увеличение численности рабочих и первые забастовки, казалось, полностью подтверждали их правоту – рабочий класс стремительно обретал сознательность. Лишь события революции 1905 года, а особенно – 1917-го, показали ограниченность этой позиции.

Второй идеологической битвой была борьба против «легальных марксистов». Течение, возникшее в 80-90-е годы XIX века, безоговорочно принимало марксизм, но полагало ближайшей исторической перспективой для России переход к капиталистической формации. Сосредоточившись на экономической составляющей работ Маркса, чтобы во всеоружии встретить момент перехода, сторонники этого течения вначале отодвинули социалистический этап в неопределенное будущее, а следом и вовсе пришли к отрицанию его революционности, полагая, что в далеком будущем достичь социализма можно будет и эволюционным путем. По сути это было простой отмашкой в сторону революционной теории. Главное, на чем сосредоточились «легальные марксисты» – это капитализм здесь и сейчас. Так из организации марксистов формировалось буржуазное движение.

Как мы видим, в подобном идеологическом перерождении нет ничего удивительного. Современные проклятия в адрес номенклатуры ЦК КПСС, которая «враз вся стала либералами и рыночниками», проистекают лишь от незнания истории.

Наконец, «экономизм» был третьим направлением, в которое

вылился марксизм в России. Его сторонники признавали себя авангардом борьбы за права рабочего класса, но призывали разделять политику и экономику. Рабочих, прежде всего, интересуют экономические вопросы, говорили они, что и выражается в требованиях забастовщиков об увеличении зарплаты и улучшении условий труда. Таким образом, борьба за улучшение экономического положения пролетариата провозглашалась главной целью, отодвигая политическую борьбу на идеологические задворки. Политика не снималась окончательно с повестки дня, однако она должна была стать делом ограниченной группы интеллигенции, выработывающей политические решения.

Это уже противоречило базовым установкам марксизма. Недаром формационный подход оперирует понятием «социально-экономическая формация». Определенные экономические отношения могут нормально существовать только при определенном общественном строе, и процесс влияния экономических отношений на общественные и наоборот является взаимным. Как невозможно представить себе развитый капитализм в феодальной формации городов-крепостей (просто не может развиваться свободный рынок), так невозможно представить себе и социализм при сохранении власти и основных средств производства в руках буржуазии – они закономерно употребят их к собственному обогащению, вновь повернув развитие к капитализму.

Однако и «экономизм», отрицающий взаимосвязь политики и экономики, хорошо знаком нам по событиям новейшей истории. Именно эту «ересь» марксизма проповедовали реформаторы во время перестройки, обещая накормить народ двадцатью сортами колбасы (заботясь об экономических требованиях) и сдвигая в сторону как незначительный вопрос о политике.

Нам постоянно твердили о «шведском социализме», явно указывая на не принципиальность вопроса о строе – капиталистическом или социалистическом. Дальше случилось то, что случилось – появилась колбаса, но снизилась покупательная способность большинства населения за счет ее повышения у ограниченной группы новых богатых. И вот уже девочка из бывшего шахтерского поселка звонит на прямую линию Путину и просит новое платье для своей сестры. Поселок много лет живет натуральным хозяйством, и давно забыл, что такая-то колбаса где-то существует.

И здесь проклятия следовало бы слать не «переродившейся номенклатуре», а, в первую очередь, контрольным органам партии, не выявившим своевременно хорошо знакомую из истории «ересь».

О несовместимости таких течений в марксистском лагере предупреждал Ленин. Именно об этом он писал в преддверии Второго съезда РСДРП: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению».

Одержав идеологическую победу над оппонентами, успешно размежевавшись с ними, российские социал-демократы собрались, наконец, в 1903 году на свой второй

съезд, который должен был положить начало РСДРП (делегаты первого съезда, состоявшегося в 1898 году, были арестованы практически сразу после открытия и не смогли принять никаких документов). Но, как выяснилось, борьба только начиналась. Непримириемые противоречия между будущими большевиками и меньшевиками выявились в вопросе о партийном уставе, и вскоре переросли в куда более принципиальный идеологический спор об отношении к партии и ее задачам.

Глава 5.

Первая проверка на прочность

Спор будущих меньшевиков и большевиков разгорелся на Втором съезде РСДРП вокруг пункта устава, определяющего членство в партии. Организационные особенности этой дискуссии имели далеко идущие идеологические последствия, определившие отношение фракций, а затем и партий меньшевиков и большевиков к революционным событиям.

Организационная структура Мартова больше соответствовала развитию партии в условиях парламентской демократии, когда вопросы решаются числом голосов, а не количеством «штыков». Меньшевики готовились к сотрудничеству с буржуазией, к совместным революционным действиям и к работе в буржуазных органах власти с целью отстаивать права рабочих перед победившим капиталом. Этим объяснялись и их последующие действия – переход на легальное положение, активное участие в работе Думы, всемерная поддержка профсоюзного движения, рабочих организаций, участие как в Советах, так и в министерствах Временного правительства.

Какова идея – таков и социальный срез людей, готовых ее поддержать. К меньшевикам тянулась та часть грамотных, социально активных и политизированных рабочих, которая хотела воплотить в жизнь марксистскую революционную доктрину, используя при этом минимум насилия и максимум легальных возможностей. То есть речь шла о прогрессивном профессиональном пролетариате, проникнутом идеями марксизма, а вернее – «экономизма». Но в начале XX века в России он составлял абсолютное меньшинство даже в море фабрично-заводских рабочих, большая часть которых являлась вчерашними крестьянами.

Теория подсказывала, что пролетариат в условиях буржуазной революции лишь совместно с буржуазией может бороться за осуществление ее прогрессивной программы. Опыт обобщения Английской революции XVII века (1640 – 1649 и 1688 гг.) и Великой французской революции XVIII века (1789—94 гг.), на которые опирался Маркс, приводил к выводу о ведущей роли буржуазии, ведущей за собой массы, и поэтапной смене формаций.

Главное, что интервал, который потребуется для перехода от буржуазной формации к социалистической, никак не оговаривался. Подразумевалось, что он будет немалым – капиталистическая формация Англии существовала ко времени Маркса уже почти два века.

Отсюда меньшевики, вслед за западными социал-демократами, делали вывод о неизбежно долгом

капиталистическом периоде в России, в ходе которого, полагали они, произойдет пролетаризация значительной части населения, что подготовит условия перехода к социалистической революции. Где уже сам пролетариат возьмет на себя руководящую роль и поведет борьбу со всеми остальными классами.

Пока же на повестке дня в России стояла буржуазная революция, роль в которой меньшевики представляли для себя достаточно четкой.

Ленин добивался создания компактной, хорошо идейно оснащенной революционной партии с централизованным руководством, готовой возглавить пролетариат при первых признаках революционного взрыва. В этой связи меньшевики обвиняли Ленина в стремлении к заговорам, в желании организовать восстание вместо того, чтобы дожидаться закономерного развития событий. Это была палка о двух концах – блестящий полемист Ленин обвинил меньшевиков в «экономизме». И хоть его обвинения были выражены осторожно и иносказательно, определенная доля истины в них присутствовала. Речь шла не только о том, что в меньшевистском крыле осели многие бывшие «экономисты», но и в целом о меньшевистском взгляде на революцию, на стремление использовать легальные методы, добиваться экономических уступок рабочим, превращая эту деятельность в политическую цель после завершения буржуазной революции.

Однако существенное противоречие содержалось и в концепции Ленина. Была не совсем ясна роль вертикально организованной революционной партии, готовой встать во главе пролетариата в условиях буржуазной революции. Ведь направляющая роль, согласно всем теоретическим выкладкам, должна была принадлежать буржуазии. Дошло до обвинений большевиков в намерении перешагнуть через ступени марксистских формаций, организовать пролетарскую революцию, для которой еще не созрели объективные предпосылки.

Промежуточную точку в споре поставила революция 1905 года. Пассивная, а иногда и контрреволюционная роль буржуазии подвергала сомнению концепцию Мартова (от которой меньшевики, впрочем, так и не решились отказаться) и давала зеленый свет позиции Ленина.

Мартову не на что было опереться в предполагаемом союзе в новых, диктуемых именно русской революцией условиях, в то время, как у Ленина была доктрина партии и готовый ответ на бездействие буржуазии.

Мартов исходил из необходимости для России пройти весь путь западных демократий. Ленин настаивал на особом пути России и определял его, исходя из сложившихся условий и особенностей развития страны. Так в начале XX века между меньшевиками и большевиками повторился давний спор западников и славянофилов.

Первая в череде революций – революция 1905 года – стала первой проверкой на прочность идей эсдеков и показала несовместимость позиций большевиков и меньшевиков.

Продолжение следует...

Главы из книги
Дмитрия Лыскова
«Три революции»
users.livejournal.com/_lord_/

пишет Lex_kravetski Ничего не надо

«Мне от этой страны ничего не надо», — пишет нам человек из отапливаемой квартиры с электричеством, водопроводом и канализацией.

«Я самодостаточен», — добавляет он, не представляющий, как выращивать картошку, не шивший себе ни одной рубашки, не построивший дом, не умеющий охотиться, не выкопавший ни одного колодца да и, наверно, в жизни не начертивший ни одного чертежа. Не владеющий боевыми искусствами, не умеющий лечить, тушить пожары и спасаться от наводнения...

«Я не в смысле — всё сам, я в смысле — сам разберусь», — разъясняет он, ещё вчера требовавший от властей «срочно разобраться с терроризмом», «ликвидировать пробки», «приструнить мракобесов», «изгнать чурок», «дать нормального тренера сборной России» и «починить наконец-то Интернет». И наверняка потребовавший всё это завтра...

«Да не, вы не поняли, — говорит он в самооправдание, — мне не надо, чтобы страна обо мне заботилась. Пусть просто не мешает, пусть просто следит за честностью игры, пусть только ловит убийц и воров, гарантирует исполнение контрактов, строит дороги и содержит армию». После этого он приводит такой перечень того, что государство «просто должно делать», что длине этого перечня начинают завидовать даже социалисты. Складывается ощущение, что государство должно делать практически всё и

только одного делать не должно, а именно — сковывать полную свободу данного человека лично. Сразу становится понятно: такому человеку совершенно не нужна опека государства. Ему эта страна вообще не нужна. Он сам справится.

«Постойте. Я имею в виду, что всё необходимое я получу в процессе обмена с другими частными предпринимателями, без государства», — сообщает человек, который ездит на работу по государственным дорогам, о строительстве которых он никогда и ни с кем не договаривался. Как не договаривался и о прокладке водопровода, строительстве электро-станций, организации парков, да чего там — даже о вывозе мусора. У человека есть немецкий автомобиль и корейский телевизор, поэтому в глубине души он считает, что давно уже прервал отношения с этой захудалой страной и заключил тайную сделку с Цивилизованным Миром. Его автомобиль, правда, питается российским бензином, а телевизор — российским электричеством, однако всё это так же незаметно, как в детстве —

момент заполнения холодильника едой. Человек при случае бесплатно вызывает пожарных, милицию и скорую помощь, отдаёт детей в бесплатные школы (ругаясь, что директор осмелился вымогать у родителей деньги — аж несколько тысяч!), но это его не смущает.

«А чего такого? — интересуется он, — Я налоги заплатил, теперь имею право пользоваться. У меня эти деньги насильственно изъяли,

вот я и вынужден компенсировать». «А не изъяли бы — всё то же самое сам бы купил», — резюмирует тот, чьего годового дохода хватит на оплату разве что нескольких квадратных метров шоссе, а если брать сочинские расценки — то и сантиметров. Но ездит он почему-то не по двум квадратным метрам, а по всем дорогам сразу. Этот человек не оплачивал проводку персональной канализации ему в квартиру и не строил персональную электростанцию. Он получает всё это только лишь потому, что много людей одновременно всё это получают. Эти люди и есть — страна. Он очень сильно связан с этой общностью, поскольку те же самые, но персональные услуги ему не оплатить даже за миллион лет. Такой гражданин достиг трудоспособного возраста в лучшем случае лет десять назад, первые пять лет работы получая чёрную зарплату, а сейчас существуя на серую, и по сей день остаётся уверенным в том, что тринадцатую процентами с трети своего дохода за последние пару лет он компенсировал обществу все затраченные на него издержки. Более того, общество его ещё и обокрало: не изыми оно у него этих тринадцати процентов, человек наверняка купил бы себе персональное метро без этих вонючих пассажиров или дороги без пробок.

«Да я у этой страны вообще ничего не просил, — кричит человек в ответ, — был бы выбор, я бы вообще другую страну выбрал! У этой я беру только потому, что меня в дру-

гую не отпускают».

Человек, как легко догадаться, видит себя членом жюри на конкурсе красоты. С его точки зрения, все страны, как красавицы-конкурсантки, по очереди должны из кожи вон лезть, дабы ему понравиться. И тогда, так и быть, он сделает свой выбор в чью-то пользу. Он не собирается вручать приз, как это делают реальные организаторы конкурсов, он даже не собирается оплачивать шикарный космический отель для стран-участниц и специальные солариумы планетарных масштабов. Нет, страны должны пыжиться перед ним просто за сам факт его существования. Они должны быть ему благодарны за его к ним благорасположение. Они даже за это благорасположение должны до драки конкурировать. Вот и сейчас, утверждая, что «мне тут ничего не надо», он подразумевает, что в другом месте он обязательно получил бы больше, а спросили бы с него меньше. Например, дали бы виллу на берегу моря, не лишая, само собой, свободы слова и не заставляя работать по двенадцать часов в день. Но раз иного выхода нет — приходится брать тут.

Однако он заблуждается. Страны должны быть ему благодарны за прямо противоположное: за то, что он их не выбрал. За то, что он в них, слава богу, не живёт. За то, что он живёт тут, у нас, а не там, у них. Вот за это они незримо жмут ему руку.

Каждая страна рада, что она для него — не «эта».

lex-kravetski.livejournal.com

Готовитесь к печати переиздание книги А.Н. Энгельгардта «12 писем из деревни»

Сергей Кара-Мурза о книге Энгельгардта «12 писем из деревни»:

«Сто лет назад в России произошла великая революция, которая во многих отношениях изменила мир. В самой России она еще не закончилась, и в конце 80-х годов прошлого века мы вновь вошли в полосу великих потрясений. Развал исторической России (в форме СССР) и последующий глубокий продолжительный кризис — эпизод русской революции на волне «отлива»».

Знание и понимание этих процессов — средство сокращения массовых страданий нашего народа и условие лучшего выбора пути и преодоления кризиса, и дальнейшего развития нашего государства, общества и культуры. Среди книг, которые дают нам такое знание и способствуют пониманию, особое место занимает книга А.Н. Энгельгардта «Письма из деревни (1872-1887)».

Эту книгу надо бы прочитать (а лучше — читать понемногу и думать) всем, кто старается разобраться в причинах тех или иных исторических выборов в XX веке, в смысле нынешних противостоятелей и противоречий в России, составить свое мнение о доктринах и планах ее реформирования.

Эту книгу читал (в сентябре-октябре 1882 г., незадолго до своей смерти) Карл Маркс. Читал, делая заметки на полях. Его интересовало основательное эмпирическое описание русской общины, которое противоречило представлениям об отсталости крестьянского хозяйства по сравнению с капиталистическим.

Эту книгу читал Ленин, еще веря, что «весь аграрный строй государства становится капиталистическим». Книга А.Н. Энгельгардта пока-

зывала, что это невозможно в принципе, а не из-за косности крестьянства. А.Н. Энгельгардт обращал внимание на очень важный факт: интеллигенция России, в общем, не имела представления о самых главных сторонах жизни и хозяйственного уклада крестьян. Это вело к непониманию того, что в тисках реальных ограничений крестьяне нашли наилучший способ хозяйства, причем такой, что не приводил их к одичанию и погружению в цивилизацию трупоб.

Согласно А.Н. Энгельгардту, крестьяне вели хозяйство гораздо лучше и рациональнее помещиков с их агрономами и удобрениями. Эта книга помогла русской интеллигенции, в том числе В.И. Ленину, понять, что русская революция имела иной характер, нежели предсказывал Маркс, исходя из знания о западном капитализме. Она поможет многое понять еще не одному поколению нашей интеллигенции.

А.Н. Энгельгардт — умнейший и очень добрый человек, замечательный мастер-литейщик, ученый-химик и агроном, ценящий и любящий физический труд и труженника. Он — истинный демократ и просветитель, уважающий ум, опыт и взгляды людей, которым он стремился передать научное знание. К его наблюдениям и рассуждениям надо прислушаться молодым людям, которые временно усомнились в ценности всех этих качеств.

И еще. А.Н. Энгельгардт — прекрасный автор и рассказчик, он будит в нас память о близких и дорогих нам образах русских людей всех сословий, о деревне и природе центральной России. Читать эту книгу — большая радость, душа отдыхает.»

Следите за информацией о выходе книги в газете или на сайте www.gazeta-to4ka.ru

Редакция осуществляет прямую редакторскую подписку на газету без посредников. Это позволяет начать подписку с любого номера газеты и получать текущий номер сразу после осуществления платежа за подписку, а также иметь двустороннюю связь с редакцией.

Для оформления полугодовой подписки на газету (12 номеров), нужно перечислить 200 рублей (для жителей Кировской области — 120 рублей) из любого отделения банка или почтовым переводом на счёт ООО «Точка Ру» ИНН/КПП 4345147509/434501001 р/с 40702810100130009232 в ОАО КБ «Хлынов» г. Киров к/с 30101810100000000711 БИК 043304711ОКПО 93248626. В графе «назначение платежа» нужно указать: «Подписка на газету «Точка Ру»», а также точный адрес получателя. Также можно скачать квитанцию со всеми заполненными реквизитами на сайте редакции orossii.ru.

Мы готовы к сотрудничеству с организациями и частными лицами в вопросах распространения газеты в любом регионе Российской Федерации. По всем вопросам, связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской на газету, звоните по тел. редакции в Москве 8 926 559 5379, в Санкт-Петербурге 8 906 277 2338, в Кирове 8 922 903 3776.

Газета «Точка Ру»
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соб-

людением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1 т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № 9 (45) Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 26.07.2010 в 08.00 по факту 26.07.2010 в 08.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@orossii.ru